

Лев Ланкин

Родился в 1941 году в городе Галич Костромской области, где из-за начавшихся родов срочно высадили с поезда его мать, ехавшую в эвакуацию из Ленинграда в Свердловск. В 1958 году поступил в Ленинградский институт точной механики и оптики (ЛИТМО). Во время учебы был редактором стенгазеты «Студенческие окна сатиры», участвовал в агитпоходах и КВН.

Работал в научно-исследовательском институте «Гранит», в последующие годы возглавлял подразделение Академии наук СССР, руководил рядом опытно-конструкторских и научно-исследовательских работ, преподавал в Институте повышения квалификации руководящих работников. В 1991 году ушел из Академии наук в связи с закрытием направления.

Как прозаик дебютировал в 2012 году. Под псевдонимом Саша Кругосветов вышло около двух десятков книг. Публиковался в «Неве», «Авроре», «Литературной России», «Российском колоколе», «Традициях & Авангарде» и других изданиях. Лауреат нескольких литературных премий.

Живет в Санкт-Петербурге.

Повелитель мира

рассказ

У Марты железный, неуступчивый характер – легко ли с таким отыскать женское счастье? Скорее нет, чем да... Всю жизнь она была не от мира сего – во всем, кроме работы: Марта Борисоглебовна стала тележурналистом, неистовым и отчаянным новостником. Да, после факультета журналистики начинала с новостей, и весьма успешно – умела мышкой прошмыгнуть и вовремя снять убойный материал, подчас даже не имея аккредитации.

Любила, но своей семьи не завела; одна растила дочь Анну – такую же, как она: крошечного роста, прехорошенькую и с несгибаемым характером. Не совсем одна, конечно, жива была еще ее мама Мария Захаровна – подлинно божий человек, воплощение доброты и скромности. Подавала родным пример отношения к православию и церкви – сама была прилежной христианкой и близких приучила жить в искренней вере. Финансово же семья всегда была на плечах Марты – и дочь, и мать, а еще и брат Илья. Он был с каким-то изъяном в голове, что ли, из-за чего людей дичился и на заводе мог выполнять лишь самые простые работы, зарабатывая гроши.

Прошло время Анна успешно окончила филфак, рано вышла замуж – по любви, конечно, но и по расчету тоже (как без этого?) – за приличного парня, старательного отличника и в чем-то немного «молчалина». Ее милый, расчудесный Виталик Рассадин безумно любил жену и дочерей Викторию и Ксению, к тому же неплохо зарабатывал, в то время как Анна прочно осела дома, занимаясь только воспитанием детей. Рассадинские «умеренность и аккуратность» приносили плоды: молодая семья со вре-

менем обзавелась квартирой, автомобилем, выезжала отдыхать в Европу, их девочки в роскоши не купались, но ни в чем и отказа не имели. Марта же по привычке во всем себе отказывала, считала мелочь – лишь бы выкроить лишнюю копейку для семьи Анны: им ведь надо и девочек одевать, и квартиру обставлять, и в Финляндию скататься на выходные неплохо бы...

Как и положено новостному журналисту, Марта живо интересовалась актуальной российской повесткой. В студенческие годы поддерживала диссидентов. Когда к середине восьмидесятых начались преобразования в стране и диссидентское движение естественным образом сошло на нет, Марта продолжала всем сердцем переживать за прежних героев – Сахарова, Алексееву, Новодворскую, – которые теперь шли во власть или занимались правозащитным движением. Столь же горячо приняла она и революцию девяностых: не раз выходила на улицу, дежурила ночью у костров рядом с Мариинским дворцом, встав на сторону Собчака в его противостоянии ГКЧП, потом поддерживала Ельцина – буквально во всем, даже при расстреле Белого дома. Было ли это осознанным шагом человека, хорошо понимающего, что действительно необходимо народонаселению в данный исторический момент, или в большей степени проявлением ее стихийной бунтарской натуры, этого мы теперь не узнаем. Марта Борисоглебовна не любила и не умела слушать. О чем бы она ни рассуждала с друзьями или родственниками, всегда не говорила, а вещала – с уверенностью человека, точно знающего истину в последней инстанции. Как это в ней сочеталось – неудержимый темперамент полемиста-бунтаря с полной преданностью идеям ортодоксального христианства?

К середине две тысячи десятых Марте Борисоглебовне было за пятьдесят. После преобразования петербург-

ского пятого канала ТВ и фактического его подчинения московским телевизионщикам ее отстранили от работы в новостях.

Самозабвенно верующую Марту тянуло заниматься христианской тематикой, и так получилось, что на телевидении ей предложили выпустить серию фильмов – журналистских расследований о тоталитарных сектах: иеговистах, саентологах, богородичниках, сектах Сахаджи-йоги, Муна, Виссариона и многих других квазирелигиозных пустышках, пышным цветом расцветших в новой России на месте сраженной революцией девяностых коммунистической идеологии. Она получила благословение от бабушки и вновь ринулась в бой. Маленькая, кругленькая, с растрепанными волосами и старомодными сломанными очками на носу, чудом сохранившимися с восьмидесятых годов, она комедийной бомбочкой врывалась в ряды адептов очередной ненавистной секты. Когда брала интервью и задавала вопросы, голос ее был тверд и непреклонен, а мысль оставалась четкой и предельно конкретной. Были суды, случались и опасные наезды служб охраны сектантов – ничто не могло остановить Марту.

В 2012-м Марте Борисоглебовне пришлось уйти на пенсию. Работу по антисектантской тематике она пыталась продолжать, получая какое-то время скудные гранты из Законодательного собрания Санкт-Петербурга. Но все это тихо сходило на нет, потому что грантов было явно недостаточно для выпуска полноценных фильмов, не говоря уже о зарплате, а пенсии не хватало даже на жизнь. Марта решила подрабатывать риелторской работой.

В те годы в город хлынули мигранты с Кавказа и Средней Азии. Были такие, кто ютился по общежитиям и вкалывал за гроши на стройке. Но были другие – те, кто их

доставлял, трудоустраивал, оформлял документы. Эти последние были при деньгах, перевозили в Россию собственные семьи, устраивались основательно и всерьез. Поначалу брали в аренду квартиры.

Им-то как раз и помогала Марта Борисоглебовна, самодельный агент по поиску недвижимости в аренду. Отыскивала квартиру в соответствии с заявкой, договаривалась с хозяевами об их встрече с арендатором, с мигрантом – о собственных агентских. Машины у нее не было, поэтому приезжать на все финальные встречи у нее не получалось. Если хозяин с арендатором устраивали друг друга, они договаривались об аренде квартиры, а об агентских Марты вероломно забывали. После завершения подобной сделки мигрант на звонок не отвечал, а номер не нужного уже агента блокировал. Так что нередко бывали случаи, когда она работала впустую. Но если иногда удача сопутствовала ей, появлялись небольшие деньги, чтобы помочь семье дочери, а то и в очередной телепроект что-то вложить.

Жила Марта Борисоглебовна весьма скромно, но всегда подчеркивала свою независимость. Встречаясь даже с близкими подругами в кафе, угощать себя не позволяла, делала отдельный заказ для себя – причем, как правило, только кофе, чтобы тратиться минимально. Давала щедрые чаевые, нередко переплачивала партнерам по съемкам фильмов – монтажерам, операторам, программистам.

Ее по-прежнему интересовала актуальная повестка страны. Но действительность все больше разочаровывала – нет, преемник не пошел по пути демократических реформ, завещанных ему любимым Ельциным. Чему радоваться? Разгром телевизионных каналов, подчинение СМИ задачам госпропаганды, фальсификация президентских выборов, «болотная революция», «снежная революция»...

Марта Борисоглебовна часто бывала в семье Анны, души не чаяла в дочери, зяте и внуках. На праздники они вместе ходили на службу в церковь. Взгляды на то, что происходит в стране, у нее с Анной обычно совпадали. Но время от времени они с дочерью ругались так, что неделями не разговаривали. Ссоры происходили внезапно, возникали из ничего – из-за полнейших пустяков. Просто они с Анной были очень похожи – обе властные, взрывные, непримиримые и неуступчивые. Но потом всегда как-то мирились и забывали о ссоре – обе на самом деле были теплыми, любящими и жалостливыми... Жизнь и любовь брали свое. Анна с Виталиком приглашали Марту в очередную поездку или на пикник... Плохое быстро забывалось.

С появлением детей семья Анны стала брать в аренду щитовой домик у дачного треста Зеленогорска. Всем нравилось это место, и Анна с детьми проводила там все лето. Марта нередко приезжала к ним. Но постоянно находиться там не могла – ведь на ее попечении оставались престарелая мать и брат Илюша, за которыми следовало приглядывать. Брат Илья временами и сам наезжал к ним на дачу – в августе, сентябре прямо рядом с домом, в сумрачных чащах вековых елей, можно было собрать лукошко белых грибов.

Заметные изменения во взглядах Марты Борисоглебовны на жизнь начались, видимо, с Евромайдана в Киеве 2014 года – вернее, после начала вооруженного конфликта в Донбассе в апреле того же года. Поначалу вся семья бурно поддерживала революцию в Киеве: «Вот пример страны, самостоятельно ставшей на путь демократических преобразований». Своим друзьям и бывшим сослуживцам Марта говорила: «Вы смотрите доступные вам СМИ. А я сижу в украинских чатах и, в отличие от вас,

имею достоверную информацию». На замечание, что и там много вранья, отвечала: «Надо смотреть различные источники, сравнивать и делать собственные выводы».

Прошел год, и Марта потеряла маму, самого близкого человека. Уход Марии Захаровны стал тяжелым ударом для близких. Хоронили ее торжественно и обстоятельно, установили дорогой памятник, долго оплакивали всей семьей. Марта тяжело болела, и, возможно, именно тогда что-то в ней надломилось.

Странности в поведении Марты Борисоглебовны друзья и родственники впервые заметили перед выборами в Госдуму 2016 года, когда Марта заявила, что не будет, как обычно, голосовать за «Яблоко», отдаст свой голос КПРФ. Анна спорила, уговаривала – бесполезно. А в 2019-м, за год до обнуления президентских сроков, Марта сообщила родственникам, что она наконец все поняла.

– Что ты поняла, мама? – подозрительно спросила Анна, почуяв неладное.

– Мы не с Украиной воюем. Это агрессия коллективного Запада на Россию, что не раз уже случалось в российской истории. И какое счастье, что судьба дала нам такого президента – человека, посланного нам небесами.

Тема Украины с тех пор стала источником постоянных стычек и конфликтов между Анной и Мартой Борисоглебовной.

***

Февраль 2022 года. Дочки уже почти взрослые, но живут пока с Анной. Девчонки в бабушке души не чают, называют просто Мартой – за глаза и в глаза тоже.

Виктория окончила Институт культуры и пошла по стопам Марты: работала на телевидении в новост-

ных программах и тоже стала отчаянным журналистом-новостником. Сумела проникнуть на Украину, миновав заслон СБУ, и без аккредитации поучаствовала в последней пресс-конференции отбывающего из страны Порошенко, даже свой вопрос сумела задать. За смелость и проходимость на работе ее прозвали «росомахой». Хотя внешне – никакая она не росомаха, эта самая Вика – довольно хрупкая и весьма милостивая девушка. И с бабушкой во всем согласна – не нравится Вике говорить о политике, но все знают: за Донбасс горой и по взглядам полный «ватник».

Бабушка любит обеих внучек, но почему-то Ксения ей ближе. Младшая неизвестно в кого пошла: высокая молчаливая веснушчатая красавица с пшеничной, пышной и длинной косой. Политика ее вообще не интересует. Учится на дизайнера. Марта Борисоглебовна старается проводить свободное время именно с Ксенией: говорят об искусстве, истории, вместе ходят по выставкам... Кто знает, о чем еще говорят, – им просто хорошо друг с другом.

В конце февраля в Петербурге ударили последние морозы, одновременно пришли известия о начале спецоперации на Украине. В середине марта стало теплее. Чтобы как-то отвлечься от новостей и неприятных сюрпризов новейшей истории, Анна с мужем решили на денек выехать на природу, заодно и девочек проветрить – пусть отвлекутся от работы и учебы. Пригласили с собой и Марту Борисоглебовну – Марта любила этот их странный, сыроватый и довольно ветхий дом. Поехали в Зеленогорск, протопили дом, сделали на улице шашлыки. Вспомнили любимую всеми Марию Захаровну.

Беседа постепенно перекинулась на повседневные дела. Марта сказала, что с введением последних санкций все подорожало, жаловалась, что накануне не смогла купить сахарный песок.

– Представляешь, все магазины обошла, нигде песка нет, – говорила она, снимая кусок мяса с шампура. – Обычного рафинада и то нет, нашла только в гипермаркете... Знаешь, Анна, сколько стоит? Сто рублей за килограммовую коробку. Взяла одну. Хотя зачем мне сахар в кубиках? Чтобы переплачивать за него вдвое? Люди как с ума посходили. Гребут рафинад, рис, гречку, макароны, туалетную бумагу. На кассе написали: «Сахар отпускается не более десяти килограммов в одни руки, крупы и макароны – не более трех».

Анна вскочила и принялась нервно ходить вокруг мангала.

– Вот и правильно, что гребут. И нам с тобой надо бы. Все подорожало в полтора-два раза. А во сколько раз еще подорожает? Война...

– Какая война, дочка? Это же специальная военная операция.

– Ага, такая специальная-специальная – задумана специально, чтобы люди не могли вздохнуть после эпидемии. И жизнь всем поломать – и нам, и украинцам.

– Нет никаких украинцев, Анна, – взмахнула руками Марта Борисоглебовна. – Есть обычные русские люди, вот и всё. И Украины нет никакой, это Киевская Русь, часть нашей большой России. Просто националисты-западенцы захватили власть в Киеве с помощью американцев, немцев и французов. А русской армии теперь приходится спасать наших же людей!

– Ну конечно, Донбасс уже спасли...

– А разве не спасли?! Да, им тяжело пришлось в последние годы. Но теперь там обстрелы прекратятся, и люди вернутся к мирной жизни. Разве ты не видишь, они сами решили бороться, хотят быть с Россией, потому что не могут оставаться в одной стране с западными нацистами! – яростно чеканила Марта.

Все молчали, зять с дочерьми осторожно поглядывали на спорящих, зная, что вмешиваться в разговор этих неистовых дам – себе дороже.

Анна бросила шашлык, схватила кружку с горячим чаем.

– Ну да, сами решили. – Ложечка нервно зазвенела о стенки кружки. – Пришел Гиркин, сотрудник спецслужб, привел головорезов, дал денег местным бандитам, вот они вместе и захватили власть. А простые люди растерялись, не поняв поначалу, что происходит. Многие раскаиваются теперь, сожалеют, что тогда не дали должного отпора бандитам. А после устроенной ими заварушки нормальным людям пришлось бежать от войны, бросать квартиры, дома, имущество. Кто в другую часть Украины подался, а кто-то и к нам, в Россию. Так и так жизнь разрушена – всем пришлось с нуля начинать.

– Тебе-то откуда об этом всем известно, Анна?!

– Разное люди пишут – в «Фейсбук» посмотри, мама. Рассказывают собственные истории. И это совсем не та замшелая пропаганда, которую ты смотришь по телевизору. Наслушалась Старчикова – тоже мне историк, все перевирает... А о Другине и вообще говорить не стоит – застарелая болезнь, клинический случай.

– Можно подумать, твой «Фейсбук» не пропаганда! – возмущенно ответила Марта. – Эта американская штучка специально сделана для вас, доверчивых. Ага, слышали мы такое, мол, я крымчанка, дочь офицера... Ради твоего «Фейсбука» задвинули наши российские соцсети «Одноклассники» и «ВКонтакте». Дурову, талантливому парню, пришлось уехать...

– Мама, ну ты шаршишь по шпаргалке из зомбоящика. Попутала следствие с причиной... Подумай сама, кто кого отодвинул и зачем, главное. А в ФБ нормальные, жи-

вые люди пишут, со многими из френдов я, между прочим, знакома была еще до 2014-го.

– Ты же у меня образованный человек, Анна. Как ты можешь? Училась, училась... Френды... Слово-то какое выискала: не «друзья», а «френды». А знакома ли ты с кем-то из этих френдов лично? В вашем интернете кого угодно можно из себя изобразить. Придумал любой ник, и шито-крыто.

– Ну да, наша власть точно хотела бы, чтобы доступ в интернет был только по паспорту. Светку Зайцеву помнишь, мою одноклассницу? – спросила Анна.

– Такая блондиночка с двумя милыми косичками – срезала их в старших классах, чтобы сделать это ужасное каре? Конечно, помню. Я же с ее мамой Раей часто тогда виделась – приятный человек, она еще бесплатные билеты в свой театр нам давала. Жаль, что вы со Светой особо не дружили.

– Сильно не дружили, но и не враждовали. А полгода назад списались в «Одноклассниках». Она уже пятнадцать лет как в Харьков переехала – ее муж оттуда. Говорила, самая большая их удача – что боевикам Гиркина не дали Харьков захватить. Очень радовалась, что после этого у них сохранилась нормальная жизнь, а не так, как у родных мужа в Донецке.

– Ну, Светка твоя никогда не знала, что ей надо, – возразила Марта. – Говорю же, такие чудесные косы отрезала, решила подстричься под каре, чтобы быть как все. И там тоже под влияние попала. Не удивлюсь, если ее муж какой-нибудь западенец или просто решил примазаться к новой власти. А обычным людям в Харькове несладко приходится под нацистами. Те пытаются всех на свой манер перековать. Но теперь, слава богу, Россия им этого не позволит.

– Конечно, не позволит, – с сарказмом сказала Анна. – Теперь и Харьков будут годами обстреливать, как Донбасс.

– Ну кто его будет обстреливать, доченька? А вот Донецк действительно восемь лет под обстрелами живет. Слышала о донецком «кровавом воскресении»? А о «Горловской мадонне»? Юная Кристина Жук и ее десятилетняя дочка погибли в июле 2014-го, когда укры обстреляли Горловку из «Града». А Зугрэсский пляж, где более двадцати человек убили, десятки получили ранения?

Марта оставила еду и питье. Достала сигарету, закурила... «Взрослая» Вика тоже закурила, Ксения заплакала и убежала в дом. Виталий – вслед за ней, надеясь утешить младшенькую.

– Не будет больше этого, – немного успокоившись, продолжала Марта Борисоглебовна. – По всей Украине теперь наши войска стоят. Со дня на день нацистское правительство на Банковой в Киеве подпишет капитуляцию. Зеленского схватят и будут судить или он сбежит за границу.

– Хорошо, пусть даже Киев падет. Пусть Зеленский сбежит, – упрямо повторяла Анна. – Но даже если его убьют, в Украине ничего уже не завязано на одного человека. И теперь не так, как в 2014-м, теперь там и на востоке почти нет дураков, чтобы встречать захватчиков цветами. Партизанская война будет – вот что! А вслед за Украиной в крови и наша страна утонет.

– Анна, дорогая, зачем ты эту вражескую пропаганду повторяешь? – строго спросила Марта. – Поверь мне, все будет хорошо. Русский мир восторжествует, и люди станут прекрасно жить, уже без войн и бомбежек.

– Ну да, только до этого – ради самого великого русского мира – нам придется уничтожить половину украинцев.

– Какую половину? Нациков совсем мало, их просто загонят обратно в их поганый Львов, который пусть хоть к Польше присоединяется или останется той самой Украиной в границах двух-трех областей. А русские люди с нами будут.

– Мама, неужели ты не понимаешь? Настоящие фашисты сейчас – это мы, а не они. Это мы вторглись на чужую землю, мы принесли туда войну.

– Неправда. Все эти годы укры бомбили и обстреливали Донбасс, а мы теперь защищаем...

Вика бросила в кусты сигарету, резко встала и ушла в дом. Мать и дочь остались вдвоем. Шашлыки на мангале перегорели, угли постепенно затухали. Пикник явно не удался.

– Но ведь и Донбасс никто не стал бы обстреливать, – грустно сказала Анна, – если б не приперлись «защитники» незваные! Да и сами мы с каждым годом живем все хуже и хуже.

– Подумай, Анна, что ты говоришь? Это ведь наша земля, не раз политая кровью русского солдата. А президент послан нам Богом, у него миссия – собирать города и земли русские!

– Мам, а что, мало нам городов и земель? Ты выезжай за город, посмотри, сколько заросших травой полей, брошенных деревень, убогих поселков. Земли столько, что девать некуда...

– Подожди, дочка, ты, наверное, переживаешь, что сейчас у нас дела пойдут еще хуже. В этом ты права – какое-то время придется потерпеть. Но подумай о Боге, о совести... Не хлебом же единым! И ведь сколько страдали люди во время Великой Отечественной, а потом отстроили страну лучше прежнего! И у нас тоже все получится!

– Да, мама, я думаю, наша жизнь теперь из трудной станет убогой и безнадежной. И о совести я тоже думаю.

Страну ждут лишения. Но ради чего? Ради того, чтобы отнять чужую землю?

– Дочка, ну как ты не понимаешь: эта земля не чужая.

– Гитлер тоже умел объяснить свои захватнические войны. И если ты не понимаешь, что мы теперь – фашисты, нам больше не о чем говорить.

Тикали настенные часы, давний подарок Марты на день рождения зятю; открылось окошко – вместо кукушки выскочил зверь, похожий на росомаху, и три раза невнятно прорычал. Тогда, в первый раз, все смеялись, глядя на аляповатую росомаху. Теперь было не смешно.

Марта встала. Лицо ее казалось совсем спокойным – видно было, она приняла какое-то важное решение. Зашла в дом, собрала вещи и, не прощаясь, шагнула в промозглые сумерки.

– Мама, ты домой? – успела спросить Анна виноватым голосом. – Не уходи, мы подбросим до станции.

– Не беспокойся, дочь. Я на автобусе. До остановки десять минут ходьбы, – раздался ответ из темноты.

– Как приедешь, позвони, – крикнула вдогонку Анна.

***

Но Марта не позвонила.

Ближе к ночи Анна сама набрала мамин номер – телефон не отвечал. Позвонила Илье.

– Нет, Марточка еще не вернулась.

– Но ведь уже двенадцать. Мы беспокоимся, дядя Иль. Как приедет, сразу набери меня. В любое время, я буду ждать.

Пришло утро. Семья не спала. Марта так и не появилась.

На следующий день объезжали и обзванивали больницы и морги. Расспрашивали во всех дачах по пути от их дома до остановки, звонили в автопарки... Никаких сле-

дов невысокой пожилой женщины со сломанными очками. Никто не видел, никто о ней не слышал. На третий день обратились в полицию. Объявили Марту в розыск. Подключили через знакомых высокое начальство. Все бесполезно. Она словно исчезла, растворилась в воздухе. Тела тоже не обнаружили.

– Этого не может быть, – говорила Анна. – Ничего с ней не могло случиться. Я чувствую, она жива, с ней все в порядке. Что мы наделали! Mamочka, дорогая, прости меня, ну хватит нас разыгрывать, ты и так уже всех нас наказала. Ну включи наконец телефон, скажи, что все у тебя в порядке...

Полиция ничего не нашла, но Анна была уверена: мать непременно вернется. Раз тела не нашли, значит, она где-то есть. Бывают разные случаи... Амнезия, например, человек потерял память, документов с собой не оказалось... Или хулиганы отняли у пожилого человека. Где-то сейчас у чужих людей мыкается, никто не может определить, откуда она... Значит, надо ждать. Они будут терпеливо ждать, и Марта обязательно вернется.

Прохладным августовским вечером 2022 года семья Анны приехала на дачу в Зеленогорск.

Когда исчезла последняя надежда и казалось, ожиданию не будет конца, Марта Борисоглебовна обнаружилась у двери их загородного дома. Будто и не было пяти месяцев ожидания. Накрапывал мелкий дождик. В молодой ельник рядом с домом залетела стая ворон – кружили в тесноте перелеска, перелетали с ветки на ветку, хлопали крыльями и громко ругались друг с другом. Было почти семь пополудни; семья только что поела, Анна убирала со стола.

Марта появилась на пороге неожиданно. С криком «Мама!» дочь бросилась ей на шею. Виталий, муж Анны,

застыл в глубине комнаты, не веря собственным глазам и не в силах пошевелиться. Виктория и Ксения, словно маленькие девочки, прыгали, хлопали в ладоши и радостно лопотали. Наступил долгожданный, не раз мелькавший в их сладких предрассветных снах миг возвращения любимой бабушки Марты, который, несомненно, должен был принести им немедленное облегчение и наполнить жизнь новыми волнами счастья.

Марта Борисоглебовна едва проронила несколько слов, с трудом сдерживая слезы. Она была в том же длинном пальто, в котором ушла в марте этого года. С ней была та же сумка через плечо. Судя по всему, сумка казалась ей теперь слишком тяжелой – Марта с трудом сняла ее и положила на стул. На голове у нее была зимняя вязаная шапка – возможно, та же, что и в марте.

– Что случилось, мама, где ты была? Ну, я вижу, ты не хочешь рассказывать, не надо... Расскажешь потом... Дай-ка я на тебя посмотрю, – говорила сквозь слезы Анна, отступая назад. – Моя мама... Такая же, как раньше, и очки те же – сломанные, но все еще держатся, будто и не было этих долгих месяцев. Только уж больно бледная...

Марта и впрямь была очень бледна. Силы, казалось, вот-вот оставят ее. Сняв шапку, она прошла в комнату и устало опустилась на стул. Она была настолько измучена, что даже улыбка давалась ей с огромным трудом.

– Раздевайся, мама, – сказала Анна, оглядывая Марту Борисоглебовну, словно некую диковинку, и даже слегка робея перед ней, что-то в матери неуловимо изменилось: она стала женственнее, что ли, во всем ее облике теперь читалось что-то особо возвышенное и даже торжественное. – Дай мне твоё пальто, жарко ведь в доме.

Марта резко отстранилась и плотнее запахнула полы, будто испугавшись, что пальто с нее сорвут.

– Нет-нет, не хлопочи, доченька, – ответила она, глядя куда-то в сторону. – Так удобнее, дорогая. И потом – мне ведь скоро уходить...

– Уходить?! Пять месяцев не была у нас – да и дома тоже – и опять уходишь?! – воскликнула Анна в отчаянии. Нашла наконец мать, не успела и порадоваться по-настоящему. Ну что за ужасный характер, ничего не объяснила, ни о чем не рассказала... Словно чужой человек. – Отчего так сразу, мама? Отдохни чуток с дороги, поешь!

– Я уже поела, Анечка, – ласково улыбнулась Марта, разглядывая знакомые предметы в полумраке комнаты. – Мы остановились в хорошем апарт-отеле. Это совсем недалеко отсюда, по нижнему шоссе, на берегу моря.

– Так ты не одна? А с кем? Кто-то с телевидения, журналист, товарищ по прежней работе?

– Да нет. Случайная попутчица. Она на улице осталась.

– На улице? Что же ты ее в дом не позвала? Неудобно как-то, мама... Бросила приятельницу, да еще в такую морось...

Анна подошла к окну. За кустами сирени вдоль дороги при свете желтых фонарей медленно прохаживалась крупная костистая женщина, закутанная то ли в темный плащ до пола, то ли в очень длинное пальто.

Среди круговерти неудержимо бурлящей радости в глубине души Анны неожиданно зародилась таинственная щемящая боль.

– Не надо ее к нам приглашать, – решительно ответила мать. – Она ничего такого не любит.

– Неужели откажется от чашки кофе на дорогу?

– Говорю тебе, не надо, Анна. Она не такая, как все. Ей твоё предложение не понравится.

– Да кто она такая? Зачем ты с ней вообще связалась? – напористо заговорила Анна. – Опять мигрантка какая-то

с Азии или с Кавказа? Тебе с мигрантами всегда не везет. Что ей от тебя надо?

– Вообще я ее почти не знаю, – чуть слышно произнесла Марта. – Мы повстречались в дороге. Вместе пришли. Вот и все.

Марта Борисоглебовна словно чего-то стеснялась. Анна почувствовала это и заговорила о другом. Радостный свет, еще недавно освещавший ее лицо, понемногу начал тускнеть.

– Илюше звонила, нет? Вот он узнает, что его любимая Марточка вернулась, запрыгает от радости!

Дочь засыпала Марту кучей вопросов:

– Это ты к нему теперь собралась? Позвоню я Илюше или пусть будет сюрпризом? Что, кстати, с твоим телефоном? Может, у тебя новый? Дать тебе мой?

Марта Борисоглебовна молчала. Вместо ответа она лишь выжала из себя натужную улыбку человека, которому, возможно, хотелось бы порадоваться вместе со всеми, да не вмоготу – что-то тяжелое не отпускало ее, мучительно глодало душу.

Анна терялась в догадках: почему мама сидит, грустно опустив голову, как в тот далекий день их последнего разговора? Неизвестно, что с ней случилось, где она была... Но ведь она вернулась, наступает новая жизнь, сколько прекрасных дней, чудных вечеров они теперь проведут все вместе! Перед ними вновь бесконечный путь в необозримое будущее. Все это время Анне нередко снилось, что Марта теперь в Новороссии, уехала волонтером – это вполне в ее характере. Мама всегда стремилась быть на передовой, хотела оставаться в центре борьбы за свои убеждения. Не будет больше тревожных снов Анны с грохотом взрывов и огненными вспышками на горизонте, когда она не раз думала, что именно там где-то теперь лежит ее немолодая мама, может, и смер-

тельно раненная, среди холодных тел и залитых кровью руин. Где она все-таки была? Наконец-то вернулась, измученная, но будто изменившаяся в чем-то и как-то по-новому одухотворенная. Отчего мама все время сидит почти неподвижно, такая бледная и будто растерянная? Почему не засмеется, не расскажет, где побывала? И это ее старенькое пальто? Почему не снимет его, в доме ведь такая жара? Может, кофта под пальто изорвалась или запачкалась? Может, там совсем другая одежда... или лохмотья... Разве надо стесняться собственной дочери? Анна подумала было, все мучения позади, а тут, пожалуй-ста, – вновь непонятные проблемы. Дочь ласково смотрела на Марту Борисоглебовну – готова была угождать вернувшейся из небытия матери буквально во всем, мгновенно исполнить любое ее пожелание. А ну как она заболела? Или просто очень устала? Почему молчит, даже не взглянет на нее?

Марта и вправду старалась не смотреть на дочь, точно опасаясь чего-то. Виктория и Ксения молча разглядывали бабушку – девушки сгорали от любопытства, но подойти не решались.

Анна не могла больше сдерживаться.

– Мамуля! – закричала она. – Ты хоть понимаешь, что ты дома, наконец-то дома?! Что же я сижу, дура стоеросовая? погоди, соберу на стол. Рассадин, чего стоишь? Пойдем, поможешь мне, – бросила она мужу и поспешила на кухню.

Тот безропотно последовал за ней. Марта Борисоглебовна осталась за внучками. Прошло не столь много времени после ее внезапного исчезновения, но внучки с их просыпающейся женственностью заметно изменились, изменилась в чем-то и их любимая бабушка Марта. Встретятся они случайно на улице, наверное, не узнали бы друг друга. Все трое молча переглядывались,

не находя подходящих слов, и по старой, еще не совсем забытой привычке нежно улыбались друг другу.

Тикали настенные часы, из окошка выскочила россомаха и несколько раз невнятно прорычала.

Из кухни вернулись Анна с мужем. Принесли дымящийся кофе и аппетитный кусок шарлотки.

Марта жадно выпила кофе, а к шарлотке не притронулась.

«Неужто не понравился пирог? Ей всегда нравилась шарлотка», – подумала Анна, но ничего не сказала.

– Ты раньше любила покурить после кофе. У тебя, наверное, нет сигарет? После твоей пропажи я тоже стала курить. А Вика, наоборот, бросила... Хочешь мои Vogue Lilas? – предложила она. – Я знаю, ты любишь покрепче, но что есть...

Марта Борисоглебовна утвердительно кивнула. Курила быстрыми, порывистыми затяжками, будто куда-то спешила.

– Мама, хочешь взглянуть на свою комнату? Мы ждали тебя, сделали ремонт. Теперь там новая кровать, обои, настольная лампа... Погляди, тебе понравится... Только пальто все-таки сними. Неужели не жарко?

Марта не ответила. Встала и направилась в соседнюю комнату. Ступала тяжело и настолько медленно, словно за это время она превратилась в глубокую старуху. Дочь кинулась впереди нее, чтобы раздвинуть плотные шторы на окнах. В комнату просочился неяркий вечерний свет, показавшийся Анне каким-то слишком уж серым и безрадостным.

Мать остановилась в дверях, осмотрела с порога новую мебель, шторы, тюль на свежееокрашенных окнах – все дышало чистотой и свежестью.

– Прекрасно, – произнесла она усталым голосом.

Анна нагнулась, чтобы поправить уголок простыни, выбившийся из-под нового покрывала на кровати. Мать

взглянула на хрупкие плечи дочери, на всю ее когда-то упругую, изящную фигурку и подумала: «Время и переживания берут свое, ведь Анна тоже не так молода...» И было в этом взгляде столько невыразимой тоски и печали, но никто этого не мог увидеть, потому что муж Анны оставался в столовой, а Вика с Ксенией стояли позади Марты. Нежные лица юных девушек сияли в предвкушении волшебного праздника по поводу неожиданного возвращения их кумира. Они еще не знали о том, что празднику не суждено было состояться.

– Замечательно вы это все придумали! Спасибо, родная, – сказала Марта Борисоглебовна и вновь замолчала.

В ее глазах мелькнуло беспокойство, Марте явно хотелось поскорей закончить разговор. Время от времени она нетерпеливо посматривала в окно, чтобы удостовериться, что по обочине дороги, видной через кусты сирени, по-прежнему прохаживается ее странная спутница.

– Ну как, мама? Тебе понравилось? – робко спросила Анна. Она еще надеялась увидеть счастливую улыбку на лице матери.

– Еще бы, все получилось просто здорово, – ответила мать, пытаясь через силу улыбнуться.

– Мама, мамочка, что с тобой, мамуля? – взмолилась Анна. – Ну скажи мне правду, почему ты все от меня скрываешь?

У Марты перехватило дыхание – она продолжала молчать, закусив губу.

– Анечка, дорогая! – тихо произнесла она, чуть придя в себя. – Прости уж свою непутевую мать, но мне пора.

– Уже уходишь? Мы будем ждать. Приходи побыстрей, ладно? Сюда или в нашу городскую квартиру. Ты сейчас к Илье? Скажи правду, ты к Илье? А когда к нам? – Анна чувствовала, что все это не к добру, но старалась держаться повеселей, быть в тонусе.

– Не могу тебе ничего обещать.

Марта отвечала нарочито немногословно, будто ее лишили дара речи. Взяла шапку, надела на плечо сумку и направилась к двери.

– Просто я не знаю, и все. А сейчас мне надо идти, потому что меня ждут, – печально сказала она.

– Конечно, и мы подождем, мама. Ведь ты скоро вернешься... Когда, часика через два? Постарайся часам к десяти... Я позову твою приятельницу Нику, она сегодня здесь, в Зеленогорске. Ника будет безумно рада тебя увидеть – вот это будет сюрприз так сюрприз! До ее дома метров триста, я сбегая... Какая у тебя глупая дочь – можно ведь и позвонить... Не хочешь взять мой телефон?

– Анна! – это было сказано так, будто мать умоляла дочь замолчать, просила сжалиться и не причинять ей столько боли. – Я ведь сказала: меня ждут. Она и так проявила слишком много терпения. – Марта Борисоглебовна пристально посмотрела в глаза дочери, словно желая добраться до глубин ее сознания.

Подошла к двери. Вика и Ксения пока ничего не поняли – для них праздник еще продолжался. Девушки подошли и прижались к Марте. Ксения приподняла полу пальто, чтобы узнать, во что бабушка одета. Испугавшись, что мать рассердится, Анна непроизвольно схватила ее за плечо:

– Ты же что делаешь, Ксюша? Отпусти немедленно!

– Не трогай пальто! – воскликнула Марта Борисоглебовна, опомнившись, но было поздно. Темно-серые полы на мгновение распахнулись.

– Мама, дорогая, что они с тобой сделали? – пробормотала Анна и закрыла лицо руками. – Я все поняла: это ведь кровь! Где ты была все это время? Там, в Донецке? Ты была волонтером в Донецке...

Марта Борисоглебовна едва заметно кивнула.

– Я так и думала, я знала, что ты там, – тихо бормотала Анна. – Всегда по-своему... Всегда на передовой, всю жизнь на передовой... Что они с тобой сделали... Тебе нужен врач.

– Слишком поздно... Ничего уже не надо, – произнесла Марта. – Мне пора, Анна, – повторила она после некоторой паузы, но уже с отчаянной твердостью. – И без того я заставила ее слишком долго ждать. Пока, Вика, Ксюша, пока, привет папе. Прощай, Анна.

Марта Борисоглебовна задержалась на пороге – Анна опять увидела на мгновение мелькнувшее в матери что-то новое, раньше ей несвойственное, нечто царственное и торжественное – потом стремительно вышла на улицу, словно подхваченная порывом ветра. Неожиданно легким шагом миновала темноту мелкого ельника, проскользнула меж кустов сирени и оказалась на освещенной обочине дороги рядом со своей спутницей.

Низина за дорогой наполнилась густым туманом. Две женские фигуры шагнули к белой колеблющейся преграде, но не погрузились в нее, потому что туман поднял их. С каждым шагом они оказывались все выше, ступая, словно по ступеням, по молочной поверхности лениво развалившегося на земле облака, направляясь на юг, в сторону морского побережья – над крышами дач, рядом с вершинами вековых елей. Маленькая круглая фигурка удалялась... В походе Марты, в ее маленьких шажках Анна читала прежнюю убежденность матери в своей правоте и привычную уверенность в правильности выбранного пути. Какая разница, были у них разногласия, есть ли они теперь. Все это не шло ни в какое сравнение с их любовью, которую Анна только теперь в полной мере смогла осознать.

Рядом с Мартой, покачиваясь в такт шагов, по щиколотку в тумане, маячила громоздкая фигура маминой

спутницы, черты лица которой разглядеть в полумраке было уже невозможно.

И тут Анна поняла. Внутри нее мгновенно образовалась огромная, беспредельная пустота. Не нужно больше спорить, не нужно ничего доказывать. Она поняла, что означали это пальто, которое нельзя было снимать, и тоска в глазах матери. Кем была та загадочная незнакомка, ожидавшая Марту у дороги, ее зловещая и терпеливая спутница. Настолько терпеливая, что согласилась – прежде чем забрать навсегда – проводить маму до дома, чтобы проститься с семьей. Та, кто, не присев, ожидала ее на дороге. Повелитель мира, чье появление ставит точки в любых спорах. В пыли и мороси, уподобясь жалкому нищему, она ждала столько, сколько потребовалось для прощания.